

Богатов Н., Ничик Н.Н.
НАРОДНО – ПОЭТИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ
В «ПОВЕСТИ О ПЕТРЕ И ФЕВРОНИИ»

УДК 801.56

***Аннотация.** Статья посвящена анализу народно – поэтических традиций в «Повести о Петре и Февронии». Исследована проблема жанра Повести, а также ее народно – поэтические мотивы (образ змея, меча – кладенца и эпизод борьбы князя Петра со змеем). Кроме того рассмотрены ряд деталей, нарушающих сказочное построение сюжета произведения. Анализ народно – поэтических моделей в «Повести о Петре и Февронии» показал связь построения сюжета Повести с волшебной сказкой. Однако развитие его идет самостоятельным путем, не зависящим от законов жанра волшебной сказки и определяемым стремлением к святости реальных людей.*

***Ключевые слова:** Проблема жанра, меч – кладенец, картина поведения, модели поведения, сюжет змеборчества, сказочная функция, сказка о мудрой деве.*

***Анотація.** Статтю присвячено аналізу народно-поетичних традицій у «Повісті про Петра і Февронію». Досліджено проблему жанру Повісті, а також її народно-поетичні мотиви (образ змія, меча-кладенця й епізод боротьби князя Петра зі змієм). Крім того розглянуто низку деталей, що порушують казкову побудову сюжету твору. Аналіз народно-поетичних моделей у «Повісті про Петра і Февронію» засвідчив зв'язок побудови сюжету Повісті з чарівною казкою. Однак розвиток його відбувається самостійним шляхом, не залежним від законів жанру чарівної казки і визначеним прагненням до святості реальних людей.*

***Ключові слова:** проблема жанру, меч-кладенець, картина поведінки, моделі поведінки, сюжет змеборства, казкова функція, казка про мудру діву.*

***Summary.** The article analyses folk and poetical traditions in «The story about Peter and Phevronia». It examines the genre problem of the story and its folk and poetical motives (the image of the serpent, the sword – kladenets, and the episode of King Peter's fight with the serpent). Besides, there are also examined a number of details which break the fabulous construction of the plot. The analysis shows the connection between the construction of the plot and a fairy – tale. Nevertheless the plot develops in its own way and does not depend on the rules of the fairy – tale genre but on the real people aspiration pioussness.*

***Keywords:** problems of genre, sword – kladenets, the picture of behaviour, models of behavior, plot of fighting the serpent, fairy – tale function, story about a wise girl.*

«Повесть от жития святых новых чудотворцев Муромских Петра и Февронии» распространилась в письменности и была признана житием после канонизации благоверных князей Петра и Февронии [4, с. 6]. Р.П. Дмитриева утверждает, что принадлежность Повести к житийному жанру является чисто формальной [4, с. 6]. В.О. Ключевский характеризовал Повесть как произведение, не имеющее ничего общего с агиографическим жанром, отмечая, что Легенда о Петре, под которым, по-видимому, разумеется умерший в 1228 г. в иночестве Муромский князь Давид Юрьевич, не может быть названа житием ни по литературной форме, ни по источникам, из которых почерпнуто ее содержание. В истории древнерусской агиографии Повесть имеет значение только как памятник, ярко освещающий неразборчивость, с какого древнерусские книжники вводили в круг церковно – исторических преданий образы народного поэтического творчества [7, с. 287]. Содержание произведения не соответствует агиографическим традициям, которые были выработаны на основании византийских канонов и предполагали следующую структуру: «восхваление родины и родителей святого, сведения о проявлении святости в юности, искушение, служение богу, кончина и посмертные чудеса» [11, с. 247 – 248].

«Повесть о Петре и Февронии» выходит за рамки житийной тематики; в ней рассказывается о жизни святых в основном в аспекте их взаимоотношений. В Повести отсутствуют характерные для жития описания благочестивого происхождения героев, их детства, подвигов благочестия. Таким образом, содержание Повести находится в противоречии с агиографическим жанром, который предписывал изображение идеализированных стереотипных героев без какой-либо их психологической характеристики» [4, с. 11].

Актуальность работы обусловлена необходимостью анализа народно – поэтических традиций в «Повести о Петре и Февронии». Ее **цель** заключается в исследовании проблемы жанра Повести, а также ряда ее народно – поэтических мотивов и моделей поведения.

Проблема жанра «Повести о Петре и Февронии». Повесть, возникшая на основе сказки – легенды, которая, продолжая существовать в устной традиции, приобретала или теряла отдельные народно – поэтические легендарные черты. Один из вариантов этой легенды лег в основу Повести и выделил несколько рассказов, таких как «Сказка о мудрой деве» и Легенда о Февронии из села Ласково [13, с. 157]. Р.П. Дмитриева добавляет к этому списку сказки «Хрустальная гора», «Удивительный мужичок», «Семилетка» и «Стрижена девка» [4, с. 8].

Профессор М.Н. Сперанский так описывает процесс сбора информации, относящейся к житиям подвижников: «Собирались вновь житийные материалы, опрашивались вызванные из разных местностей люди, которые должны были сообщать устные предания и, так сказать, защищать своих святых, раз относительно правильности их почитания поднимался вопрос на соборе». Такой метод предполагал большое количество народно – поэтических особенностей, украшающих жития святых, что также отобразилось в «Повести о Петре и Февронии» [15, с. 143].

Согласно общепринятой классификации, сказки делятся на бытовые, сказки о животных и сказки с чудесным содержанием. В.О. Пропп предлагает учитывать также и морфологическую структуру смешанного типа [12]. Именно к этому типу предположительно и относится Повесть.

«Повесть о Петре и Февронии муромских в ее отношении к русской сказке» делит Повесть на несколько частей, что дало возможность Д.С. Лихачеву сравнить построение с иконописными клеймами: «Это статические кадры, своего рода житийные клейма, которые запечатлевают Февронию в тех или иных положениях, в тех или иных зрительно ясных положениях» [5, с. 345], [14, с. 133].

Все вышеизложенные особенности позволяют предположить наличие народной поэтики в изучаемом произведении.

Народно-поэтические мотивы в «Повести о Петре и Февронии». Первая часть Повести имеет назначение вступления. Основана она на фольклорном сюжете змеборчества. Волшебство – героические сюжеты о змеборчестве зафиксированы в классической сказке с основной функцией борьба – победа» [4, с. 23]. Структура этого типа сказки состоит из таких звеньев: 1) беда (недостача); 2) предварительное испытание героя, завершающееся получением чудесного помощника; 3) основное испытание героя – борьба – победа; 4) приобретение ценностей (обычно женитьба на царевне) [4].

Беда, случившаяся с княжеской семьей, соответствует морфологической структуре сказки. В.Я. Пропп отмечает, что какая-либо беда – основная форма завязки. «Из беды и противодействия создается сюжет. Формы этой беды чрезвычайно разнообразны» [12, с. 8]. В повести эта беда отображается в виде змея, который очень ярко и определенно вмешивается в жизнь Павла и его жены. Этот змей: «Искони же ненавидя добра роду человеку диавол всели неприязненного летящего змия к жене князя того на блуд. И являшеся ей своими мечты яко же быше естеством, приходящим же людям являшеся, яко же князь сам седяше з женою своею» [10, с. 122].

В народно – поэтических сказаниях змей используется очень часто. В фольклорной традиции разных стран мира змей является образом, получившим на разных стадиях развития мировой культуры и в различных национальных традициях различные вариации. Змей в русских сказках – многоголовое существо, способное летать и извергать огонь. В некоторых сюжетах змей похищает царских дочерей, осаждает города с требованием дани в виде женщины – на съедение или для брака. Битва со змеем и победа над ним является одним из главнейших подвигов героя сказок. В повестях и сказаниях, а также в былинах тема змеборчества приобретает даже «государственную» окраску: «Добрыня совершает свой первый богатырский подвиг, побеждая змея как врага Киева» [13, с. 231].

В поздних сказках, возникших намного позже героических былин, **меч – кладенец** становится уже практически обязательным атрибутом главного героя: Князь Олег вещий, Святогор Виевич, Святогор, Добрыня Никитич, Еруслан Лазаревич, Руслан из поэмы А.С. Пушкина «Руслан и Людмила», Бова Королевич, Иван Царевич, Михайло Потык, Буря – богатырь.

Скрипиль М.О. характеризует образ змея в повести так: «огненный летающий змей – насильник или обольститель; нельзя устоять перед его любовью. Прилетая к полюбившейся ему девушке или женщине, обычно – ночью, он обращивается молодцом несказанной красоты, а утром улетает, вновь приняв свой обычный змеиный вид» [14, с. 49]. Змей досаждал жене Павла «змеи неприязневый осили над ней» и Павел ищет средство для убийства змея. Жена разузнала, что смерть противника от Пертова плеча Агрикового меча.

Плечо в древнерусской поэтике и мифологии часто означало символ опоры и мужества. Плечо подставляется другу, идут плечом к плечу и рубят с плеча. Носят героев на плечах, а когда они умирают, на плечах несут их гробы.

Агриков меч или меч – кладенец – наименование оружия нескольких богатырей из русского фольклора. Могли быть волшебными и придавать владельцу непобедимость. Обычно попадали в руки хозяину из какого-либо тайника.

Большое количество упоминаний меча – кладенца в сказках и былинах, относящихся к различным персонажам, ясно указывает, что кладенец – не было именем собственным оружия, конкретного единственного меча, подобного, к примеру, Эскалибуру, а всего лишь определением некоторой категории клинков.

Корень данного эпитета – «клад» – обычно связывают со словом «класть», то есть с идеей чего-то спрятанного, добытого из клада или погребения. Также следует рассматривать другое значение слова «класть», а именно меч – кладенец одним взмахом богатыря кладёт вражеское войско. В некоторых поздних диалектах превратился в устной речи в «меч – колунец» [16, с. 583 – 630]. Дается в руки лишь такому герою, который может им владеть. Меч мог быть скрыт в земле, замурован в стене, спрятан под плитой. В одной из былин мать прячет от сына подарок отца под печью и отдаёт лишь тогда, когда выросший ребёнок в силах его поднять.

Стоит отметить случаи, когда богатырь выкапывает меч – кладенец из могилы, кургана. Такое оружие, принадлежавшее мёртвым, имеет особые силы. Прикоснувшись к миру мёртвых, он приобретал сверхъестественную силу, становясь сам носителем смерти. Например, в былинах «Святогор и Илья Муромец» два главных персонажа во время путешествия находят гроб, который оба решают примерить. Илье Муромцу гроб оказывается велик, а Святогору – как раз впору. Он просит младшего товарища взять его меч – кладенец и ударить по крышке, отчего гроб опоясывает железная полоса. Оружие отходящий в мир иной богатырь оставляет Илье.

Следует теперь обратиться непосредственно и к эпизоду Повести о Петре и Февронии, в котором описывается борьба князя Петра со змеем, и сопоставим его со сказками на тему о змеборчестве. Для сравнения используем две сказки: «Хрустальная гора» из сборника А.Н. Афанасьева [9, с. 49] и «Удивительный мужичок» из числа сказок, собранных И.А. Худяковым [2, с. 4].

Набор функций и их последовательность совпадают во всех трех произведениях. Некоторое своеобразие имеется в основных функциях предварительного испытания в сказке «Удивительный мужичок».

Ход действия в ней усложнен наличием ложного героя. Как видно из приведенного сопоставления, сюжетная схема и основные функции в этом эпизоде Повести следуют точно за сказкой.

Однако в Повести имеется целый ряд деталей, которые нарушают сказочное построение произведения. М.О. Скрипиль провел сравнения этой части Повести с рядом фольклорных произведений, в которых встречается змеборческая тема, и пришел к следующему заключению: «Можно предполагать, что в основу первой части Повести о Петре и Февронии легло определенное русское народно – поэтическое сказание или песня об огненном летающем змее, причем в таком составе компонентов, в каком ни одно из произведений этого цикла не сохранилось в фольклоре поздних записей» [13, с. 148].

Дело заключается не только в том, что поздние записи не сохранили источник, но также в том, как этим источником воспользовался автор о Петре и Февронии. Сюжетная схема и ряд деталей однозначно ведут к сказке, но творчество автора Повести не ограничивалось только механическим подражанием сказке. Он, выходя за рамки жестких правил, создавая оригинальное произведение, хотя и использовал при этом сюжет сказки на змеборческую тему.

В сказке развитие сюжета определено состоянием героя и его деятельностью при столкновении с помощниками и антагонистами. «Все функции описывают ход событий односторонне – с точки зрения героя» [8, с. 96].

Народно-поэтические модели поведения в «Повести о Петре и Февронии». Действия героя и его характер определены в сказке социально-нравственными идеалами и формальными **моделями поведения** (правилами игры). Проявляются эти нормы поведения в волшебной сказке в функции предварительного испытания героя, которое завершается получением чудесного помощника.

«Предварительное испытание имеет характер не сурового ритуального искусства, а проверки некоторых качеств героя или знания им элементарных норм поведения. Герой должен проявить доброту, скромность, сообразительность, вежливость [8, с. 17]. Также в предварительном испытании герой обнаруживает свои истинные качества и тем заслуживает получение чудесного средства, а в основном испытании он уже пользуется готовыми средствами, которые практически действуют за него.

Вышеупомянутые особенности можно проследить, обратившись к сказкам, которые уже сопоставлялись с Повестью о Петре и Февронии по своим основным функциям. Так, в сказке «Хрустальная гора» царевич откликнулся на просьбу сокола разделить павшую лошадь, за что получил дар превращаться в сокола и муравья. Царевич здесь действует согласно сказочным правилам игры – он должен сделать добро по отношению к дарителям. В дальнейшем при помощи этого дара царевич побеждает трех змеев. В сказке «Удивительный мужичок» помощником-дарителем выступает названный в заглавии персонаж, которого Иван-царевич выпустил на свободу. В благодарность за это удивительный мужичок помогает царевичу в борьбе с ложным героем и змеем.

В основном испытании в борьбе со змеем герои той и другой сказки ведут себя одинаково – проявляют непреклонную твердость, не колеблясь, вступают в бой и при помощи полученных волшебных средств убивают своих противников без каких-либо осложнений.

Повесть о Петре и Февронии представляет иную **картину поведения** главного героя, оставаясь в пределах того же сюжетного построения. «Действия его не соответствуют тем правилам, которые устанавливаются законами построения волшебной сказки. К функции предварительного испытания в Повести о Петре и Февронии должен быть отнесен момент, когда князь Петр получает агриков меч [4, с. 10]. Ему в виде отрока является отрок и показывает Петру место в Церкви, где лежит этот меч. «Для получения чудесного оружия Петру не приходится преодолевать препятствий или выполнять чьих-либо требований и условий, в результате которых сказочный герой проявляет свои достоинства. Указавший место хранения меча ангел исчезает, а Петр, взяв меч, приходит в покои своего брата [4, с. 11]. Этот момент не дает никакого представления ни о храбрости, ловкости, доброте ни о других добродетелях героя. Следовательно, приобретение волшебного средства не сохраняет признаков волшебной сказки. «М.О. Скрипиль, ссылаясь на армянский народный эпос «Давид Сасунский», высказал мнение, что мотив меча в храме является распространенным и что он появился в результате соприкосновения сказки и христианской легенды» [4, с. 11].

Сказочной функцией, определяемой как основное испытание, является встреча Петра со змеем. Согласно построению волшебной сказки поведение героя определено предварительным испытанием, поэтому герой не колеблется, не выбирает, преимущественно действует волшебное средство. Повесть о Петре и Февронии еще в большей степени, чем при описании предварительного испытания, отклоняется от сказочного построения [4, с. 12]. Именно встреча со змеем является наиболее трудной для героя, потому что ему нужно преодолеть сомнения и принимать решения очень быстро. «Сложность положения князя Петра и острота переживаний заключаются в том, что он должен убить змея, имеющего облик его брата, которого Петр любит и ради которого готов рисковать жизнью. Поэтому он должен собрать все свое мужество и проявить твердость духа, чтобы решиться ударить змея мечом» [4, с. 12]. Именно в этот момент Петр наиболее деятелен: боясь ошибиться, он пытается точно установить, где находится его брат.

Как видим, при описании подвига Петра Повесть о Петре и Февронии также отклоняется от сказочной структуры. «Отличия Повести от сказки настолько принципиальны и значительны, что, безусловно, эта часть ее никак не может быть отнесена к жанру волшебной сказки» [4, с. 13]. Типичным концом волшебной сказки является вознаграждение героя, чаще всего сказка завершается свадьбой. «И хотя импульс, приводящий в действие сказочный сюжет, далеко не всегда относится к герою, одной только ликвидацией «общественной недостатка» (например, убийство демонического существа) сказка закончиться не может –

гармонизация еще не достигнута. Необходимо, чтобы это получило завершение в биографии героя, – например, получить полцарства и невесту [8, с. 127].

Завершение эпизода борьбы со змеем в Повести о Петре и Февронии с точки зрения структуры волшебной сказки является неожиданным. Вместо того чтобы получить вознаграждение за подвиг, князь Петр приобретает тяжкое заболевание, которое обрекает его на мучительное существование. Данное отклонение особенно наглядно свидетельствует о творческом обращении автора с используемыми им источниками. Эпизоду борьбы со змеем в сюжетном построении всей Повести предназначена роль вступления, в котором объясняется происхождение болезни Петра. Таким образом, в эпизоде борьбы князя со змеем схема построения сюжета Повести связана с волшебной сказкой, но развитие его идет самостоятельным путем, не зависящим от законов, действующих в жанре волшебной сказки. Сама болезнь, которую получил князь Петр в результате победы над змеем в Повести, характеризуется как струпия.

Центральная часть Повести о Петре и Февронии, рассказывающая историю отношений между Петром и Февронией, также построена на использовании народно-сказочных мотивов. Ф.И. Буслаев отмечал, что в основу Повести легла **сказка о Мудрой Деве** [1, с. 8]. Позже эта мысль была подтверждена А.Н. Веселовским [3, с. 95 – 142]. М.О. Скрипиль полагал, что «...как образ героини, так и вся вторая часть повести, вне всякого сомнения, теснейшим образом связаны с русским фольклором – они явились в результате творческого переосмысления русской сказки о мудрой деве» [13, с. 148].

Сказка о мудрой деве сохранилась в русском фольклоре во многих вариантах. Но все они известны нам в поздних записях XIX – XX вв., при этом, в ряде случаев уже в сильно деформированном виде. Ввиду этого, для создания правильного представления о ее первоначальном составе необходимо прибегнуть к сопоставлению по возможности большого числа ее вариантов. Только в этом случае можно рассчитывать на достоверность выводов о ее значении в образовании повести.

По своей поэтичности и глубине художественной мысли, тонкости психологической наблюдательности и по совершенству формы «Повесть о Петре и Февронии» занимает исключительное положение в ряду древнерусских литературных памятников, а также обосновывает новый взгляд, ведущий от сказочных мотивов к святости реальных людей.

Источники и литература:

1. Буслаев Ф. Песни древней Эдды о Сигурде и Муромская легенда [Текст] / Ф. Буслаев // Буслаев Ф. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. – СПб. – 1861. – Т. 1. – 297 с.
2. Великорусские сказки в записях И. А. Худякова / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); Изд. подгот. В. Г. Базанов и О. Б. Алексеева. – М.; Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1964. – 301 с. – (Памятники рус. фольклора / Глав. ред. А. М. Астахова).
3. Веселовский А. Н. Новые отношения Муромской легенды о Петре и Февронии и сага о Рагнаре Лодброке [Текст] / А. Н. Веселовский // ЖМНП. – 1871. – С. 95–142.
4. Дмитриева Р. П. Особая редакция Повести о Петре и Февронии [Текст] / Р. П. Дмитриева // Рукописное наследие Древней Руси: По материалам Пушкинского Дома. – Л., 1972. – С. 192–209.
5. Истоки русской беллетристики. Возникновение жанров сюжетного повествования в древней литературе. – Л., 1970. – 599 с.
6. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона: В 86 т. – С. – Пб.: Брокгауз – Ефрон 1890–1907. – Интернет доступ: <http://enc-dic.com/brokgause/Kladenec-mech-117771.html>.
7. Ключевский В. О. Древнерусские жития, снятые как исторический источник [Текст] / В. О. Ключевский. – М., 1871. – 287 с.
8. Мелетинский Е. М. Проблемы структурного описания волшебной сказки [Текст] / Е. М. Мелетинский, С. Ю. Неклюдов и др. – М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2001. – 234 с.
9. Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: в трех томах [Текст] / А. Н. Афанасьев. – М., 1957. – Т. 1. – 539 с.
10. Повесть о Петре и Февронии [Текст] / Подгот. текстов и исслед. Р. П. Дмитриевой. – Л.: Наука, 1979. – 339 с.
11. Полякова С. В. Византийские легенды как литературное явление [Текст] / С. В. Полякова // Полякова С. В. Византийские легенды. – Л., 1972. – 249 с.
12. Пропп В. Я. Морфология сказки [Текст] / В. Я. Пропп // Вопросы поэтики / Гос. ин-т истории искусств. – Л.: Academia, 1928. – Вып. XII. – 152 с.
13. Российский гуманитарный энциклопедический словарь: в 3 т. [Текст] – М.: Гуманит. изд. центр Владос: филолог. фак. С.-Петербургс. гос. ун-та, 2002. – Т. 2: 3. – О. – 720 с.
14. Скрипиль М. О. Повесть о Петре и Февронии Муромских в её отношении к русской сказке [Текст] / М. О. Скрипиль // ТОДРЛ. – М. – Л., 1949. – Т. VII. – 167 с.
15. Сперанский М. История древней русской литературы [Текст] / М. Сперанский. – 2-е изд. – М., 1914. – 648 с.
16. Былины Печоры: Север Европейской России [Текст] // Словарь (архаические, диалектные и другие малопонятные слова и выражения): в 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). – СПб.: Наука; М.: Классика, 2001– Т. 2. – С. 583–630. – (Свод рус. фольклора).